

ПО ЯПОНИИ

(записки миссионера)¹⁾

Вакканай.

3—15 сентября. Въ семь часовъ утра выѣхали на „Сей-риу-мару“ (Голубой драконъ) на сѣверъ въ Вакканай. Нашъ голубой драконъ давно уже плавать по морямъ, что-то болѣе тридцати лѣтъ, и теперь ему осталось очень немного: и для судовъ, вѣдь, есть предѣльный возрастъ, особенно для построенныхъ, какъ наше, пополамъ изъ дерева. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, было холодно и сыро на верхней палубѣ, а внизу сидѣть тошно, пароходъ покачивался. Въ каютѣ только и ѣхалъ я одинъ. Около полудня пристали къ Ягисирн, небольшому островку, чтобы только кое-какъ сдать туда почту. Мѣсто совершенно открытое, волны бушуютъ свободно. Островокъ не очень высокій, покрытъ уже оголенными сѣрыми деревьями, сквозь которыя странно зеленѣетъ непосохшая трава. По берегу маленькія избенки, рыбацкіе поселки, должно быть и въ нихъ теперь холодно и сыро, только въ „ирори“ горять толстыя дрова, наполняя все своимъ ѣдкимъ, удушливымъ дымомъ.

Часовъ въ пять подошли къ острову Рисирн (при входѣ въ Наперузскій проливъ) и, заслонившись имъ отъ вѣтра, остановились тамъ ночевать, что уже было совсѣмъ не интересно.

Здѣшніе холода насъ приводили въ отчаяніе: теплой одежды не было никакой, а погода сибирская. Отецъ Николай во-

¹⁾ Продолженіе см. Богосл. Вѣстн., ноябрь стр. 490—509.

пользовался своей стоянкой въ Масике, чтобы сшить себѣ ватное „хабѣри“ и „кимоно“ (первое—по значенію—сюртукъ; напоминает нѣсколько греческую полуряску: широкое платье съ такими же рукавами и съ расходящимся полами, длинной оно немного выше колѣнъ. Кимоно—въ родѣ халата, который на глухо запахивается и стягивается поясомъ). Но для меня ничего сшить нельзя было, такъ какъ европейскаго портного здѣсь не сыскалъ

4—16 Сентября Утромъ часа въ три съ половиной пошли далѣе. Въ Омиваке (небольшой поселокъ на юго-западномъ берегу Риспри) пароходъ кос-какъ продержался на якорѣ въ совершенно открытомъ рейдѣ. Идемъ по восточному берегу до довольно хорошей небольшой пристани Оситомари на сѣверной сторонѣ. Мѣсто весьма характерное, чтобы его не забыть. Островъ этотъ почти круглый, поднимается высокою конической горой, очень напоминающей знаменитую Фузи (здѣсь ее и зовутъ маленькимъ Фузи); но около Оситомари къ острову какъ-то приклеенъ крючкообразный мысъ, низменный и безлѣсный, только зеленая трава и покрываетъ его гладкую поверхность. На концѣ же этого мыса совершенно неожиданно поднимается одиночная скала, точно пустой монументъ. На этой скалѣ примостился бѣленькій маякъ. Мысъ образуетъ хорошую пристань и въ ней не мало судовъ спасается во время бурныхъ вѣтровъ, часто посѣщающихъ этотъ въ общемъ обездоленный край.

Мы потомъ переходимъ заливъ и пристаемъ къ острову Ревунъ. На юго-восточномъ берегу находится поселокъ Каисѣ домовъ въ 200, скромно пріютившіеся у заросшей лѣсомъ горы. Городокъ, конечно, новый и едва ли имѣющій постоянное населеніе, однако на горѣ сквозь лѣсъ виднѣлась характерная, дыбющаяся крыша тѣра (буддійскаго храма); на наиболѣе красивыхъ мѣстахъ краснѣли „тори-монъ“ (ворота особой формы) непремѣнная принадлежность „мія“, синтоистическаго храма. Говорятъ, что японцы въ общемъ безрелигіозны. Можетъ быть, это и правда въ очень многихъ случаяхъ; но огульно такъ говорить было бы преувеличеніемъ. Народъ несомнѣнно вѣруетъ, только вѣра его ограничивается лишь дѣтскими суевѣрїями, серьезно же задумываться надъ вѣрой ему не приходилось. Онъ чувствуетъ, что есть что-то выше этого міра, чувствуетъ и не-

обходимость для себя помощи свыше. Между тѣмъ малѣйшаго прикосновенія разума къ тонкой паутинѣ извѣстныхъ ему религіи достаточно было, чтобы эта паутина разлеталась пылью. Что ему оставалось дѣлать? Или не трогая разумъ, не пользуясь имъ, кланяться кваннонъ или инари, рассуждая вполнѣ дальновидно, что, если все это ложь (какъ говоритъ ему разумъ), то отъ такого поклоненія особеннаго вреда не будетъ; если же правда, тогда инари-санъ, можетъ быть, и пользу принесетъ и во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть основаній посылать какихъ-нибудь бѣдствій. Отсюда суевѣрное почитаніе кумировъ съ внутреннимъ сознаниемъ глупости, неосновательности такого почитанія. Человѣкъ же, привыкшій немного размышлять, конечно, перейдетъ къ прямой безрелигіозности, хотя иногда въ минуту унынія или бѣдствія, тѣмъ болѣе смерти, и онъ можетъ захлопать руками предъ той же глупой инари. Невѣріе и суевѣріе, вѣдь, очень часто и очень мирно уживаются въ одной и той же головѣ.

Изъ Каісе четыре часа ходу до Вакканай, города лежащаго на западномъ берегу залива Романцова. Это самая сѣверная оконечность Езо и, можно сказать, всей вообще Японіи (если не считать, конечно, самыхъ сѣверныхъ изъ Курильскихъ острововъ). Островъ Езо и здѣсь кончается развилкой, восточный рогъ которой составляетъ мысъ Соя, западный же-Носяпу; на этомъ послѣднемъ и лежитъ Вакканай. Берега Езо все время видны были вправо отъ насъ, когда же стали подходить къ Лаперузскому проливу, налѣво, на сѣверѣ тоже показались горы. Это нашъ Сахалинъ, уголокъ родной Россіи, правда, уголокъ такого сорта, что никто туда не захочетъ попать даже и послѣ многолѣтняго отсутствія изъ Россіи.

Наконецъ, мы обходимъ длинный, ступенями срѣзанный къ морю мысъ Носяпу и остаиваемся противъ города. Заливъ совершенно открытъ и, когда дуетъ восточный вѣтеръ (накаямасе, какъ его называютъ здѣсь), поднимается сильное волненіе и на рейдѣ никакое судно стоять не можетъ, не говоря уже о сообщеніи съ берегомъ. Тогда пароходы бѣгутъ или въ Оситомари, или же укрываются подъ мысомъ Соя, на противоположной сторонѣ залива. Пароходъ нашъ сталъ очень далеко отъ берега и на лодкѣ ѣхать при-

шло съ утомительно долго. Волны ходили совсѣмъ большія, нашъ баркасъ такъ и нырять. На берегу встрѣтили насъ нѣсколько христіанъ съ катихизаторомъ Іоанномъ Кодзукури (сынъ словоохотливаго Іакова) во главѣ. Катихизаторъ—человѣкъ еще молодой, неженатый; на видъ какой-то зябкій, точно больной. Онъ, говорятъ, и на самомъ дѣлѣ постоянно сидитъ около хибацц, кутаясь во всевозможные пледы, и на стужу выходить крайне не любитъ. Какъ-то онъ будетъ дѣйствовать въ Вакканай, мѣстѣ холодномъ по преимуществу? Переселился онъ сюда всего съ мѣсяць тому назадъ, помѣнявшисъ съ Поликарпомъ Исии изъ Ицкипсири.

Христіане взяли наши вещи и мы отправились въ церковный домъ по многочисленнымъ торговымъ улицамъ. Городъ—довольно большой, домовъ болѣе тысячи, и, кажется, обѣщаетъ быть и еще болѣе, потому что рыбный ловъ здѣсь всегда есть; выстроенъ онъ въ нѣсколько рядковъ вдоль мыса, подъ лѣсистой горой. Нашъ церковный домъ находится въ самой центральной части города, напротивъ него почтовая контора, недалеко городское управленіе, рядомъ лучшая въ городѣ гостиница, въ которой и отвели помѣщеніе для насъ. Мѣсто, очень выгодное для проповѣди и притомъ не особенно шумное, такъ какъ торговли по близости нѣтъ.

Сейчасъ же по приѣздѣ начали вечерню: служить я, а катихизаторъ съ двумя христіанами пѣли. Изъ послѣднихъ одна—сама хозяйка этого дома: въ задней половинѣ дома живутъ сами они (мужъ, жена и двое дѣтей), а переднюю отдають подъ церковь, беря за это только половину обычной цѣны. Для неженатаго катихизатора такой удобной квартиры и не найти: хозяйка ему готовитъ пищу, да кромѣ того, въ семейный домъ никому, даже и женщинамъ, ходить не стѣснительно. Хозяева люди весьма привязанные къ церкви, приняли крещеніе уже давно и вездѣ до сихъ поръ отличались своимъ усердіемъ. Мужъ и теперь, когда дома (при нашемъ приѣздѣ онъ былъ въ отсутствіи, въ Тоокео), служить церкви едва ли не меньше катихизатора: онъ и метрику ведетъ самъ, и при Богослуженіи поетъ и читаетъ, да и о другихъ вѣрующихъ, о ихъ вѣрѣ и пр. не меньше катихизатора заботится. По характеру, онъ человѣкъ

особенный, не какъ прочіе: съ женой у него постоянные конфликты изъ-за денегъ и имущества. Сколько уже пропало у нихъ всего, благодаря его крайней добротѣ, его постоянной готовности выручить изъ бѣды нуждающагося человѣка и изумительной довѣрчивости къ людямъ въ дѣлахъ денежныхъ. Сколько разъ его самымъ наглымъ образомъ проводили, но онъ несколько не унываетъ и ведетъ свою линію. Деньги нужны-де не для насъ однихъ, и другимъ нужно помогать, съ насъ хватитъ. Жена стремится собирать, онъ упорно раздаетъ. Притомъ, судя по разсказамъ, пропсходить это не отъ простой распушенности, халатности, а сознательно, изъ его убѣжденій. Они, впрочемъ, и до сихъ поръ еще люди очень состоятельные и много дѣлаютъ для церкви. Зовутъ его Шавель Наканиси. Какъ видите, и у насъ здѣсь есть рабы Божіи

По этому поводу, не могу разсказать здѣсь другого такого же примѣра христіанской послѣдовательности. Въ одной изъ самыхъ центральныхъ нашихъ церквей (едва ли не въ самомъ Тооксо) года два тому назадъ принялъ крещеніе одинъ, такъ называемый, „соси“, въ родѣ здѣшнихъ анархистовъ или по просту громилъ, только на политической подкладкѣ. Вербуются они изъ недоучившихся молодыхъ людей, студентовъ, и т. п. Девизъ ихъ—крайній япокизмъ, непремѣнно сопровождающійся ревнымъ обереганіемъ чести японскаго государя и государства отъ иностранцевъ. Отсюда разныя выходки противъ иностранцевъ и японцевъ, которые вздумали бы слишкомъ уступать иностранцамъ. Теперь, впрочемъ, эта сторона дѣятельности если не совершенно устранена изъ программы соси, то во всякомъ случаѣ ступсвалася,—въ настоящее время соси по просту за деньги терроризируютъ богатыхъ людей или политическихъ дѣятелей, заставляя ихъ подавать голоса въ пользу того, кто нанимаетъ соси. Такъ вотъ одинъ изъ такихъ довольно безпринципныхъ и распутныхъ молодыхъ людей и принялъ крещеніе, предварительно, конечно, подробно выслушавши ученіе. Вѣра такъ глубоко запала въ его широкую натуру, что онъ сразу же перемѣнился и изъ соси сталъ искреннимъ послѣдователемъ Христа. Чтобы порвать всякую связь съ прежней своей жизнью и товарищами, онъ ушелъ на сѣверъ, въ Аомори и тамъ началъ жить по новому. Занятіе себѣ онъ избралъ разносную

торговлю, разносить по домам матерію и пр. Но это было скорѣе только поводомъ, говорить язычникамъ о Христѣ или находить труждающихся и обремененныхъ, которымъ бы можно было помочь. Придя въ какой-нибудь бѣдный домъ, нашъ христіанинъ или оставлялъ имъ часть своей выручки или же, если было нужно, даромъ отдавалъ часть товара. Однажды, приходитъ онъ въ домъ, а тамъ жена съ малыми дѣтьми сидитъ и плачетъ надъ только что скончавшимся мужемъ. Денегъ у нея ни гроша, нечѣмъ обрядить покойника, нечѣмъ заплатить за могилу и похороны. Тогда Алексій досталъ свой единственный енъ, купилъ на него, что было нужно, заплатилъ, куда слѣдуетъ. Самъ сдѣлалъ гробъ, самъ выкопалъ могилу и самъ же снесъ и похоронилъ покойника. Потомъ продавъ товаръ, собралъ кое-какія деньги, и отправилъ вдову съ дѣтьми на ея родину, къ отцу. Воскресный день свято имъ соблюдался, равно какъ и пріѣздъ священника. Въ такихъ случаяхъ онъ бросалъ свою торговлю и всего себя предоставлялъ въ распоряженіе церкви. Пѣлъ и читалъ за Богослуженіемъ, ходилъ со священникомъ по домамъ христіанъ, исполняя разныя порученія и пр. Жизнь его и кончилась по христіански. Простудившись онъ схватилъ тифъ и, напутствованный св. Тайнами, тихо скончался. Нечего и говорить, съ какой скорбью разсталась съ нимъ наша маленькая церковь въ Аомори.

Послѣ вечерни я сказалъ поученіе на текстъ: „блаженны очи ваши, что видите, потому что многіе пророки и цари хотѣли это видѣть“ и пр. Говорилось о нашемъ призваніи ко Христу лишь по одной милости Божіей, безъ всякихъ заслугъ съ нашей стороны: отсюда необходимость тщательно беречь этотъ незаслуженный даръ, предпочитая вѣру и спасеніе всему на свѣтѣ. Народу собралось человѣкъ 15. Всѣхъ вѣрующихъ въ Вакканай 28 человѣкъ съ дѣтьми, но изъ этого числа пятерыхъ въ городѣ не было. Въ метрихъ записано 35 крещеній; изъ нихъ 13 умерло или перешло на жительство въ другія мѣста, а четверо неизвѣстно, гдѣ находятся. Въ общемъ церковь хорошая, хотя, по словамъ отца Николая, нѣкоторые христіане замѣтно заснули, причиной этого служить, конечно, неумѣніе катихизатора хорошенько обходиться съ такими людьми, или неспособность вообще вліять на людей, а также и отдаленность Вакканая:

море часто беспокоино, пароходы ходятъ иногда неправильно, не по росписанію, и отецъ Николай бываетъ только разъ въ годъ. Конечно, этого слишкомъ мало для молодыхъ христіанъ, да еще въ такомъ торговомъ мѣстѣ. Поэтому, нѣкоторые христіане тутъ же при мнѣ стали жаловаться на рѣдкія посѣщенія симпу и просить его пріѣзжать хоть дважды въ годъ. Хорошо также, если бы катихизаторъ поменьше сидѣлъ около хибацц и побольше ходилъ по христіанскимъ домамъ; тогда и задремавшіе, можетъ быть, проснутся.

5—17 сентября. Посѣтили здѣшнихъ христіанъ, были въ девяти домахъ. Вполнѣ христіанскихъ семей только три (съ Накасима четыре), остальные или наполовину христіанскія или просто единичные христіане. Въ одномъ домѣ нестарый еще вдовецъ съ малюткой—сыномъ, жена не особенно давно умерла христіанкой, а мать—старуха до сихъ не слушается убѣжденій сына. Сынъ усердный христіанинъ, за Богослуженіемъ любитъ прислуживать, читать, хотя пѣть не въ состояніи. Хочется ему и мать свою сдѣлать христіанкой и говоритъ онъ ей о православной вѣрѣ, разубѣждаетъ въ ея Кваннонъ—санъ и пр.; но старуха только отмалчивается, а во Христа не вѣруетъ. Онъ къ намъ обратился съ просьбой поговорить со старухой, и во время бесѣды не сводилъ глазъ съ ея лица, надѣясь очевидно увидѣть хоть слѣдъ интереса къ вѣрѣ и, печалась, что старуха только улыбается и подакиваетъ. Для просвѣщенія такой слушательницы, должно быть, необходима такая же старая обаасанъ, которая и могла бы ей изложить ученіе со своей особой точки зрѣнія. Посѣтили лачужку одного стариннаго христіанина; его жена и двое дѣтей всѣ христіане, хорошо крестятся и въ церковь приходятъ довольно исправно. Не смотря на свою бѣдность, онъ выбранъ, какъ старшій и одинъ изъ лучшихъ христіанъ, въ „ги-юу“ (увы, и у насъ стараются выбрать богатыхъ, невольно такимъ образомъ, воздавая дань духу міра сего). Есть еще хорошій домъ Сасаки: два брата живутъ вмѣстѣ, жена старшаго—дочь одного очень стариннаго христіанина изъ Хакодате, доктора Яманака. Она рассказываетъ намъ изъ своего дѣтства, какъ тогда семья Яманака терпѣла за христіанство. Умерла ея сестренка, негдѣ было хоронить: на городское кладбище не пускали, а од-

нажды вмѣстѣ съ другими христіанами, они должны были поспѣшно скрыться изъ Хакодате отъ оффиціального преслѣдованія и убѣжали на русскомъ военномъ суднѣ на западный берегъ Езо, высадились недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Отару.

Въ 8 часовъ вечера служили всенощную: завтра—воскресенье. Я служилъ, а отецъ Николай говорилъ проповѣдь. Собралось человѣкъ 18, изъ нихъ шесть язычниковъ (нѣкоторые, кажется, изъ тѣхъ, что склоняются къ слушанію). Поэтому и предметомъ проповѣди о. Николай избралъ необходимость для человѣка Богопочитанія, потому что только съ Богомъ человѣкъ можетъ имѣть вѣчную жизнь и свое истинное блаженство. Буддисты и синтонсты стремятся совершенно къ тому же самому, что и мы, желаютъ вѣчной, блаженной жизни въ царствѣ небесномъ,—думаютъ, что нирвана и есть именно это царство небесное, котораго требуетъ ихъ душа. Между тѣмъ, нирвана не болѣе, какъ внутреннее состояніе человѣка, совершенно не имѣющее отношенія къ загробной вѣчной жизни, синтонстическій же рай, по точному преслѣдованію ученыхъ, только столица, мѣстопробываніе императора. Спрашивается, этого ли хотятъ вѣрующія души? Говорилъ очень послѣдовательно и умно, притомъ довольно просто, примѣняясь къ слушателямъ.

Потомъ долго шла общая бесѣда; разсуждали. Назавтра мы собирались посѣтить христіанъ и въ ближнихъ селеніяхъ. Нужно было ѣхать на самую оконечность мыса Соя, въ деревушку Сири-усу въ Сри (версть 30), и въ Коетон 2-ри отсюда. Христіане взяли на себя трудъ заказать намъ верховыхъ лошадей, при чемъ о. Николай, не привыкшій ѣздить на европейскомъ сѣдлѣ, старательно подчеркивалъ, что лошади требуются смирнаго права и безъ дурной привычки бѣжать рысью.

Въ виду Сахалина.

6—18 сентября. Въ 9 часовъ отецъ Николай служилъ обѣдницу, а я говорилъ поученіе на дневное евангеліе и апостоль (какая заповѣдь большая въ законѣ? Примѣръ же любви въ апостолѣ Павлѣ, который спасеніе своихъ братьевъ ставилъ выше собственнаго спасенія).

Въ 11 часовъ поѣздъ нашъ тронулся. Впередѣ, по обыкновенію, „анко“ (на этотъ разъ пояздой, сѣдѣющей мужичекъ), потомъ мы на нашихъ торжественно выступавшихъ коняхъ. Выборъ былъ дѣйствительно достойный: они, кажется, органически не были способны ни шагу пробѣжать рысью. Какъ на грѣхъ, разгулялся вѣтеръ, знаменитый „ямасе“ (восточный), дувшій прямо въ лобъ и до костей пронизывающей наши майскіе костюмы. Прикрыться нечѣмъ, такъ какъ дорога все время лежитъ по песчаному берегу, у самаго моря. А оно бушевало и пѣнилось, дико бросалось на низменный берегъ, бѣлые гребни вполне забѣгали далеко на песокъ подъ самыя ноги лошадамъ. Этимъ, впрочемъ, уже все было равно, даже и бояться онѣ разучились за свою долгую жизнь. Вхаты было бы очень интересно, пожалуй, и картина была изъ рѣдкихъ, но такъ холодно, что намъ только и видѣлось одно Кое-тон, гдѣ можно было согрѣться. Два ри (семь съ половиной верстъ) пропутешествовали мы цѣлыхъ два часа, душевно благодаря нашихъ искусныхъ выбирателей. Остановились обѣдать у Онодера, — главный христіанскій домъ въ этомъ селеніи. Самого хозяина, не было дома, но и безъ него было кому насъ принять и согрѣть. На второмъ этажѣ у нихъ очень чистая, опрятно убранная комната, съ образами, молитвеннымъ столикомъ, трехсвѣчникомъ и Богослужбными книгами. Здѣсь катихизаторъ, а безъ него и самъ Онодера, совершаетъ Богослуженіе по праздникамъ. Въ этой комнатѣ дали пріютъ и намъ. Какъ было пріятно присѣсть къ хибаці, наполненной красными углями!

Пообѣдавъ, стали собираться дальше, приходя въ ужасъ при мысли, что предстоитъ вхаты по вѣтру цѣлыхъ шесть ри, а къ вечеру обѣщало быть еще холоднѣе. Къ счастью, наши страхи въ большей своей части оказались напрасными: переправившись чрезъ довольно широкую рѣку на паромѣ мы поѣхали дальше уже подъ горой, возвышенность мыса скрыла насъ отъ вѣтра и было уже не такъ холодно, по крайней мѣрѣ, до костей вѣтеръ не прохватывалъ. Пробѣжаемъ нѣсколько поселковъ, вездѣ стоятъ мія (буддійскихъ храмовъ что-то не видать). По берегу рыбные промысла, теперь бездѣйствующіе. Стоятъ большія рыболовныя суда, вытасенныя на берегъ и забранныя соломой и тростникомъ;

издали ихъ не скоро отличить отъ хижаины. Недалеко отъ берега печально прижался какой-то небольшой пароходъ: подойти къ Вакканай нельзя, а въ открытое море идти у него силъ не хватаетъ. Но вотъ и маякъ, а съ нимъ вмѣстѣ и самая сѣверная оконечность Японіи. По ту сторону залива ясно видѣлись горы Сахалина, до него всего тридцать верстъ. По рассказамъ, почти ежегодно оттуда сюда переправляются на лодкахъ арестанты. Однажды, приплыла партія человѣкъ въ тридцать. Ихъ, конечно, тутъ же на берегу арестуютъ и отправляютъ въ Хакодате или въ Екохаму къ русскому консулу. Тотъ ихъ держитъ до удобнаго случая въ японской тюрьмѣ, а потомъ отправляетъ *via* Владивостокъ опять на Сахалинъ.

За маякомъ подъ горой протянулась въ одинъ рядъ деревушка Спри-усу. Православныхъ здѣсь четверо: домъ Мацумото (мужъ, жена и сынъ) и еще школьный учитель Лука. Всѣ они приняли крещеніе далеко въ старой Японіи и переселились сюда по службѣ, Мацумото уже нѣсколько лѣтъ, а Лука не такъ давно. Живутъ они здѣсь совершенно одни, даже священникъ до сихъ поръ не посѣщаетъ ихъ изъ-за здѣшнихъ вѣтровъ и холодовъ.

Мы долго тянулись чрезъ деревушку къ правленію, въ которомъ служилъ Мацумото. Тамъ же оказался и Лука, который потомъ и проводилъ насъ назадъ почти къ самому въѣзду въ деревню, гдѣ стоялъ новенькій домикъ, мѣсто собранія здѣшняго общества трезвости. Домикъ этотъ стоялъ пустой (такъ какъ собирались разъ въ мѣсяцъ, а въ деревнѣ не было ни одного члена), въ немъ наши христіане и приготовили намъ ночлегъ. Внутри домикъ представлялъ просторную продолговатую комнату, устланную новыми татами, но, конечно, безъ всякой мебели, если не считать небольшого шкафа (онъ же кафедра для оратора), да двухъ некрашенныхъ ящиковъ для угля. Принесли тотчасъ же двѣ хибаци, разожгли уголь, и намъ стало тепло и уютно, хотя вѣтеръ и проникалъ сквозь тонкія стѣны и плохія рамы по европейски сдѣланныхъ оконъ.

Хозяйка сосѣдняго постоялаго двора взяла на себя всѣ хлопоты по нашему продовольствію и ночлегу. Не успѣли мы хорошенько отойти отъ холода, какъ она уже принесла обѣдъ, истощивъ на немъ все свое кулинарное искусство.

Даже соленого китоваго жиру приготовила съ какимъ-то кислымъ соусомъ. Нельзя было, разумѣется не почитать такого старанія и не поѣсть, хотя, признаться, китовый жиръ не такъ хорошъ для пищи, какъ для смазки сапогъ или отопленія. Лука сидѣлъ все время съ нами, угощая насъ и разговаривая. Человѣкъ онъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, несомнѣнно искренно вѣрующій, только мягкій, какъ воскъ, и потому иногда увлекающійся примѣромъ другихъ. Съ нимъ что-то случилось, и теперь онъ былъ подъ эпитиміей священника (здѣсь на этотъ счетъ строго). Разговорившись съ симпу, нашъ Лука размякъ (были основанія подозрѣвать, что они въ правленіи сидѣли не только за чаемъ) и даже заплакалъ, прося позволенія исповѣдаться и причаститься. Но симпу отложилъ это до слѣдующаго раза. Послѣ ужина пришла семья Мацумото, и мы рѣшили всѣ вмѣстѣ помолиться. Тотчасъ же Мацумото принесъ изъ дому свою икону въ кіотѣ, шкафъ замѣнилъ алтарь; на него положили евангеліе, крестъ и пр. Отецъ Николай облачившись въ фелопъ сталъ служить вечерню, а я замѣнялъ собою хоръ (такъ какъ изъ христіанъ никто пѣть не умѣлъ). Богомольцы наши молились усердно и радостно: имъ такъ давно не приходилось ни слышать, ни видѣть своего Богослуженія. Кромѣ насъ никого не было, да и совнѣ никто не могъ слушать: совнѣ только вѣтеръ завывалъ, по временамъ колебля нашъ временный пріютъ.

7—19 сентября. До полудня пробыли въ Сирнусу. Лука провелъ насъ по всей деревнѣ, кажется больше для того, чтобы показать насъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Были у него въ школѣ. Въ его маленькой комнаткѣ виситъ иконка, но она задернута занавѣскою: начальство запретило всякое оказательство христіанства, хотя, конечно, отлично знаетъ, что Лука христіанинъ. Ученики уже собрались въ классъ и съ любопытствомъ заглядывали въ дверь. Лука показалъ насъ и имъ. Надѣвъ свои „хакама“ (широкіе шаравары, которыя надѣваются поверхъ халата), безъ нихъ въ классъ и вообще на службу войти не полагается,—Лука ввелъ насъ въ классную комнату и командовалъ ученикамъ встать и сдѣлать поклонъ. По его словамъ, всѣ здѣсь въ деревнѣ сильно заинтересованы нашимъ пріѣздомъ. Нѣсколько времени тому назалъ пріѣзжалъ сюда какой-то генераль, потомъ былъ не-

давно адмиралъ Ито; оба они внимательно осматривали все эти мѣста, на случай войны съ Россіей. Послѣ нихъ появился я; ну, стало быть, и этотъ прѣхаль съ той же цѣлью, только разумѣется, уже со стороны Россіи. Нужно было поэтому ходить по деревнѣ, чтобы все замѣтили, что никакихъ особыхъ плановъ у насъ нѣтъ. Такая нелѣпая подозрительность начинается уже надоѣдать.

Зашли и въ правленіе съ визитомъ къ начальнику. Это былъ просто здѣшній же крестьянинъ, довольно состоятельный въ свое время, ему правительство и поручило держать здѣсь почту и исполнять другія оффиціальныя обязанности. Человѣкъ онъ особенный, стремящійся къ извѣстности. При его дѣятельномъ участіи завелось и поддерживается здѣсь общество трезвости, хотя самъ онъ ничего съ трезвостью общаго не имѣетъ. Поговорили съ нимъ о христіанствѣ и о Россіи, совѣтовалъ я ему почитать о христіанствѣ (впрочемъ, онъ объ этомъ часто слышалъ и отъ Луки съ Мацумото). Можетъ быть, впослѣдствіи и отнесется онъ къ этому болѣе серьезно, хотя мало надежды: человѣкъ, увлекающійся пустотой.

Въ три съ половиной часа вечера мы были уже опять въ Кое-тои въ домѣ Онодера. На этотъ разъ хозяева уговорили насъ остаться ночевать, кстати на завтра былъ праздникъ: вмѣстѣ можно помолиться, совершить праздничную службу. Зять Онодера, Василій, замѣнялъ отсутствовавшего хозяина. Онъ тоже видимо хорошей христіанинъ, заботящійся и о распространеніи вѣры. Это, впрочемъ, такъ и естественно: быть одному среди языческаго общества, конечно, тяжело, невольно явится мысль поискать и другихъ, съ кѣмъ можно бы раздѣлить свою вѣру и упованіе и находить взаимную поддержку и ободреніе.

Въ настоящее время въ Кое-тои десять человѣкъ православныхъ христіанъ: семь человѣкъ—домъ Онодера (въ томъ числѣ два мальчика сироты послѣ брата), двое супруговъ и еще одинъ 16—17 лѣтній мальчикъ, сынъ язычника. Но изъ этого числа на лицо были только шесть человѣкъ, прочіе въ отлучкѣ (въ Тоокео, Саппоро и пр.). Кромѣ того, въ домѣ Онодера временно квартировалъ архитекторъ, строившій черезъ ближайшую рѣку мостъ. Въ свое время былъ онъ катихизаторомъ и кончилъ нашу семинарію (знаетъ доста-

точно и русскій языкъ). Теперь онъ вмѣстѣ со своей молодой женой (дочерью Абе Григорія изъ Саппоро) уже давно жилъ у Онодера. Есть здѣсь и еще одна христіанка, за мужемъ за язычникомъ. Она дочь одного изъ самыхъ первыхъ христіанъ, по фамилии тоже Онодера, даже и родилась, кажется, въ христіанствѣ. Но на ея христіанское воспитаніе не обратили достаточнаго вниманія (катихизаторы тогда воскресныхъ школъ не заводили, занятые обращеніемъ новыхъ вѣрующихъ), и вотъ теперь, послѣ смерти своего отца, она совершенно отстала отъ церкви. Давно живетъ здѣсь, но ни разу не приходила въ этотъ христіанскій домъ, не смотря на многократныя приглашенія и оповѣщенія о Богослуженіи. Предъ нашимъ прѣздомъ ее также извѣстили, посылали за ней и въ этотъ разъ, но отвѣтъ все тотъ же: занята домашними дѣлами, не могу придти, а если угодно, что сказать, такъ я пришлю мужа, ему передайте“. Вотъ, какъ опасно оставлять христіанскихъ дѣтей безъ должнаго наученія среди языческаго общества.

По возможности служили праздничную всенощную: завтра Рождество Богоматери. Служилъ я, и даже импровизировалъ велпчаніе, не совсѣмъ можетъ быть гладко перевода славянскую рѣчь по японски и довольно свободно воспроизводя напѣвъ. Пѣли архитекторъ, его жена и домашніе. И потомъ говорилъ поученіе о добродѣтельной и согласной семейной жизни Іоакима и Анны; согласіе достигается тѣмъ, что оба они выше и дороже всего считали Бога и всегда помнили, что ходятъ предъ Его очами.

Кромѣ нашихъ православныхъ, за Богослуженіемъ присутствовали и одинъ язычникъ, вмѣстѣ съ Онодера самый старшій поселенецъ этого мѣста. Онъ пришелъ со своимъ маленькимъ сыномъ и довольно долго потомъ говорилъ съ нами о христіанствѣ. Благодаря вліянію Онодера, очевидно, и въ его душѣ пробудился глубокий интересъ къ вѣрѣ. Онъ выразилъ уже желаніе регулярно слушать ученіе; съ помощію Божіею, придетъ и въ церковь. Вообще деревня Кос-тон подаетъ большія надежды въ будущемъ. Народъ все здѣсь прибываетъ, значеніе поселка поднимается, со временемъ же сюда должна пройти желѣзная дорога, тогда эта деревушка перегонитъ Вакканай. Народъ здѣсь становится болѣе осѣдлымъ и въ тоже время по прежнему сво-

бодень отъ преданій старой Японіи; для проповѣди и церкви образуется замѣчательно благопріятная почва. Онодера замышляетъ построить здѣсь и квайдоо, тѣмъ болѣе что отъ правительства можно даромъ получить участокъ земли (подъ условіемъ непременно и тотчасъ же на немъ что-нибудь построить, въ противномъ случаѣ земля отбирается). Только бы усердствовали катихизаторъ, слушатели всегда будутъ.

8—20 сентября. Отслужили обѣдницу и напрасно прождавши, не прекратится ли дождь, опять верхомъ отправились въ Вакканай. Вѣтеръ былъ прежній, море еще болѣе ярилось, обдавая, насъ брызгами, и сверхъ всего этого ливня лилъ дождь, скоро промочившій все, что было на насъ надѣто. Путешествіе совсѣмъ перестало быть пріятнымъ, а мы ѣхали по вчерашнему шагомъ. Только съ половины дороги я наконецъ не выдержалъ и оставивъ своего спутника, о. Николая, ускакалъ впередъ: мокнуть больше было на мнѣ уже нечему. Дома въ гостиницѣ тоже не сладко. Вѣтеръ качаетъ самый домъ и поднимаетъ столбомъ золу съ нашей хибацци. Холодно и неуютно. На улицахъ все вымерло. Хуже всего было то, что о пароходѣ нечего было и думать, а вмѣстѣ съ нимъ и объ отъѣздѣ отсюда. Получалось такимъ образомъ, Фукукава вторымъ изданіемъ. Нужно было сидѣть, въ буквальномъ смыслѣ у моря и ждать погоды.

9—21 сентября. Сидимъ. Весь день дождь и вѣтеръ. Море по прежнему реветъ, все бѣлое отъ пѣны.

10—22 сентября. Сидимъ. Дождь пересталъ; вѣтеръ какъ будто тише, но море прежнее. Наконецъ, около двухъ часовъ на рейдѣ показалась наша знакомая „Сейріу-мару“. Мы поспѣшно собрались, но около часу еще пробесѣдовали съ пришедшими христіанами о церкви, о необходимости ее самимъ имъ содержать, о пріисканіи слушателей для катихизатора и пр. Распростившись со всѣми на пристани, мы съ отцемъ Николаемъ сѣли на большой баркасъ и долго-долго прыгали по волнамъ: пароходъ на этотъ разъ стоялъ еще дальше, чѣмъ прежде. Въ четыре часа вышли. Заходили опять на Ревунъ и въ Оситомари, гдѣ и остановились ночевать.

11—23 сентября. Сегодня на разсвѣтѣ сдали почту и около 7 часовъ были уже въ Ониваки. („они“—дьяволь, „ваки“—богъ), а въ 8 часовъ отправились дальше. Дулъ сильный

противный вѣтеръ, волны—огромныя, море все болѣе и болѣе расходилось. Я побылъ нѣкоторое время на палубѣ, да и въ каюту, на койку, по восточной пословицѣ: „лучше сидѣть, чѣмъ стоять, и лучше лежать, чѣмъ сидѣть“. Но вотъ скоро качка стихла; за полчаса предъ обѣдомъ я поднялся на палубу: солнце свѣтило сзади, волны попутныя. Что за притча? Идемъ вдоль какого то знакомаго берега. „Это Ягисири?“, спрашиваю у капитана. — „Нѣтъ, Рисири; сейчасъ придемъ въ Оситомари“. Вернулись, слѣдовательно, откуда вышли сегодня утромъ. Такъ, конечно не далеко уѣдешь.

Въ Оситомари съ нами вмѣстѣ стояло еще нѣсколько маленькихъ пароходиковъ, въ томъ числѣ и одинъ русскій, бѣленькій, который совершаетъ рейсы около Сахалина. Все мы боязливо прижались за оригинальной скалою Оситомари, и снова ждали и безъ дѣла сидѣли.

Отару.

12—24 сентября. Раннимъ утромъ опять снялись и пошли. На этотъ разъ все обошлось благополучно, хотя пришлось снова послѣдовать премудрой восточной пословицѣ. Въ 11 часовъ были въ Масике. Во второмъ часу оттуда вышли и, обошедши величественный мысъ Вофуи (Мелеспина) направились по заливу Строгонова почти прямо на югъ въ Отару. Погода скоро поправилась, вѣтеръ стихъ и, несмотря на вечеръ, становилось теплѣе. Немного раньше восьми часовъ были въ Отару. Совсѣмъ уже стемнѣло, на рейдѣ и въ городѣ горѣли огни. Незмѣнные банто въ своихъ пестрыхъ костюмахъ, не заставили себя ждать, и мы спускаемся при ихъ помощи въ лодку и въ потемкахъ ѣдемъ на отдаленный берегъ, минуя смутно чернѣющія и сверкающія рѣдкими огнями массы многочисленныхъ судовъ. На берегу насъ уже ждали христіане (была послана телеграмма изъ Вакканай), они разобрали нашъ багажъ и потомъ долго вели насъ по темнымъ улицамъ города. Наконецъ, мы поворачиваемъ въ переулокъ, и слышимъ наше православное пѣніе: въ молитвенномъ домѣ шла воскресная всенощная. Двери стояли открытыми, надъ ними въ темнотѣ рисовались скрещенные флаги (по случаю праздника), предъ дверьми стояло чело-
вѣка два, очевидно, постороннихъ. Мы входимъ въ весьма

обширную комнату, гдѣ собралось человѣкъ 40 христіанъ, многіе, особенно старики, сидѣли пояпонски на полу; небольшой хоръ съ катихизаторомъ во главѣ довольно стройно пѣлъ: „Воскресеніе Христова видѣвши“. Модельня устроена въ видѣ храма: есть и престоль, и жертвенникъ, даже нѣчто похожее на иконостасъ, т. е. темная голубая завѣса отдѣляетъ алтарь отъ остального храма. Мы прошли прямо въ алтарь. Отецъ Николай облачился и сталъ продолжать службу, я же по окончаніи обратился къ христіанамъ съ привѣтственнымъ словомъ на текстъ „Миръ вамъ“ (человѣкъ, обрѣтшій Христа, обрѣтаетъ вѣчный благодатный миръ, за будущее онъ не боится, въ настоящемъ видитъ всюду промыслительную Десницу Божію, его душа покоится въ неизмѣнномъ упованіи, искать или стремиться ему болѣе уже не за чѣмъ. Пускай міръ волнуется, пускай онъ ополчается на праведника, не можетъ онъ взять изъ души его этого покоя въ Богѣ. Вотъ этотъ-то миръ возвѣщать и ниспосылать и заповѣдать апостоламъ Господь).

Поговоривши потомъ съ христіанами и познакомившись съ каждымъ изъ нихъ, я просмотрѣлъ метрику.. Церковь эта существуетъ еще не давно, всего лѣтъ семь. До тѣхъ же поръ вѣрующіе, жили порознь, храня свою вѣру у себя въ семьяхъ, но не обнаруживая ея публично (многіе даже не знали другъ друга). Многіе изъ нихъ и иконы прятали, на видное мѣсто ставя идоловъ: все это страха ради язычниковъ. Всѣ знали, что въ Отару живутъ христіане, но кто именно и гдѣ, было неизвѣстно. Развѣ случайно кто-нибудь изъ вѣрующихъ замѣтитъ въ чужомъ домѣ православную икону и пойметъ, что пришелъ къ единовѣрцу. Такъ завязалось знакомство между прежде неизвѣстными собратьями по вѣрѣ. И та и другая сторона, конечно, бывала рада встрѣтить единовѣрца, и иногда собратья и вмѣстѣ помолиться. Впрочемъ, было и одно очень печальное исключеніе: одинъ изъ православныхъ пришелъ въ фотографію сниматься и, по принятому между нашими христіанами обыкновенію, повѣсилъ на грудь поверхъ платья свой натѣльный крестъ. Только уже много лѣтъ послѣ, когда открылась здѣсь церковь и поселился катихизаторъ, этотъ христіанинъ узналъ, что и фотографъ былъ православный. Боялся, стало быть признаться въ своей вѣрѣ. Лѣтъ семь тому назадъ объѣз-

жалъ церкви преосв. Николай съ о. Арсеніемъ. Тогда и рѣшено было дать Отару особаго катихизатора, какимъ и переведеть былъ Павелъ Мацумото изъ Салпоро. Когда пришелъ онъ сюда, первымъ дѣломъ его было собрать разсѣянныхъ овецъ въ одно стадо. Это ихъ всѣхъ ободрило, — соединившись вмѣстѣ, они уже не боялись язычниковъ, открыто собирались со своимъ сенсеемъ на молитву, на собранія, посѣщали другъ друга. Церковь стала жить своею жизнью, и какъ такая, стала привлекать къ себѣ и новыхъ членовъ изъ язычниковъ. За эти семь лѣтъ въ Отару крещено 75 человекъ, изъ нихъ 30-умерло или переселилось въ другія церкви, 5 — рейтанъ, 3 — неизвѣстныхъ, а двое оказались и совсѣмъ отпадшими. Крещены всего во 2-мъ мѣсяцѣ этого года. Когда же успѣли отпасть?! Катихизаторъ конфузится, но долженъ признаться, что отпали почти тотчасъ по крещеніи. У нихъ говорить, родственники очень сильные и всѣ злые язычники, новокрещенные же (мужъ и жена) люди простые, неучные, поэтому и не устояли. Вотъ вамъ печальный примѣръ поспѣшнаго крещенія! Путемъ ихъ не испытали, кое-какъ довели только до согласія принять крещеніе и, тутъ кстати пріѣхавъ рѣдко бывающій священникъ, ихъ и окрестили. Сердце ихъ было совсѣмъ неготово, можетъ быть, подобно Симону волхву, ожидали отъ крещенія какого-нибудь волшебства (напр., помолодѣть или разбогатѣть), а то и просто денежной подачки: и такіе случаи въ миссіонерской практикѣ бывали. Виноватъ, конечно, катихизаторъ и воспріемники, не постаравшіеся хорошенько опредѣлить душевнаго настроенія крещаемыхъ.

Въ настоящее время въ Отару 88 человекъ православныхъ; изъ нихъ причастниковъ въ годъ бываетъ человекъ сорокъ съ небольшимъ, къ Богослуженію собираются весьма мало, самое большее 20, обыкновенно же-пять или немного болѣе. Воскресной школы нѣтъ главнымъ образомъ потому, что нѣтъ между христіанами человека, который бы могъ помогать въ этомъ дѣлѣ катихизатору. Внѣшнее впечатлѣніе какъ видимъ, отъ этой церкви получилось самое неблагоприятное, какой-нибудь ревнитель, пожалуй, усумнился бы въ искренности обращеніи ко Христу и всѣхъ здѣшнихъ христіанъ... Нѣтъ, такое заключеніе было бы несправедливо:

здѣшніе христіане не приучены къ церковному порядку, но они вѣру православную содержатъ твердо и, по своему, ко своей церкви усердны. Каждый изъ нихъ по мѣрѣ возможности что-нибудь жертвуетъ на церковь, они готовы всегда откликнуться на всякую церковную нужду; точно также и катихизатора своего не оставляютъ безъ помощи: кто принесетъ новое платье для него или для дѣтей (а дѣтей у него очень много), кто обувь, а кто и просто рѣсу или рыбы къ празднику. Даже въ другихъ, по внѣшности болѣе исправныхъ, церквахъ нѣтъ такой отзывчивости. Правда, и здѣсь отзывчивыми являются преимущественно тѣ, кто къ Богослуженію ходитъ исправно.

13—25 сент. Воскресенье. О. Николаи служилъ обѣдню, а я говорилъ проповѣдь на дневное евангеліе Іо. III, 13—18, о Христѣ—единомъ нашемъ Спасителѣ и Исцѣлительѣ отъ всѣхъ уязвленій діавола (между прочимъ, о необходимости причащенія)“. Народу было столько же, что и вчера, только лица все новія: вчерашніе, должно быть, домовничали. Между прочимъ, была одна христіанка Марія, которая украдкой отъ мужа убѣжала въ церковь. Мужъ ся—человѣкъ состоятельный и даже образованный, но до крайности не любящій христіанства и потому всячески препятствующій своей женѣ быть христіанкой. Она, однако, до сихъ поръ выдерживаетъ его нападенія и отъ вѣры не отрекается. Поддерживаютъ, ее и христіанки, посѣщаютъ, приглашаютъ къ себѣ въ домъ, этимъ обходнымъ путемъ попадаетъ она и въ церковь: и въ этотъ разъ отпросилась у мужа съ одной христіанкой. Ей хотѣлось неповѣдаться и причаститься, но ко всенощной сегодня придти она не могла, мужъ не отпустить завтра къ обѣднѣ. Дѣлать нечего, пришлось ее освободить отъ всенощной: лучше причаститься, хотя бы и безъ всенощной, чѣмъ совсѣмъ остаться безъ причастія. Притомъ, еще неизвѣстно будетъ ли она въ состояніи причаститься въ слѣдующій пріѣздъ о. Николая. Для русскихъ покажется, можетъ быть, очень необычнымъ такое причастіе безъ приготовленія, но не вездѣ можно требовать всего, здѣсь въ Японіи вообще нѣтъ обычая говѣть, т. е., ходить ко всѣмъ церковнымъ службамъ недѣлю или около того, да и службы ежедневной нигдѣ нѣтъ. Причащаются, когда пріѣдетъ священникъ, и все говѣніе ограни-

чивается только всеобщей накапунѣ причастія. Но, какъ видите, и это малое оказывается неисполнимымъ при нашихъ особенныхъ условіяхъ жизни.

Вечеромъ служили съ о. Николаемъ торжественную всеобщую съ выносомъ креста (чего не приводилось раньше видѣть и самому о. Николаю, не говоря о христіанахъ). Потомъ я говорилъ поученіе объ обрѣтеніи св. Креста и о значеніи для насъ этого осязаемаго свидѣтельства Христовыхъ страданій (дондеже свѣтъ имате)... Народу было до 30 человѣкъ, въ томъ числѣ четверо взрослыхъ, готовящихся на-завтра ко крещенію.

14—26 сент. Утромъ окрещено шесть человѣкъ, въ томъ числѣ 2 младенца (дочь катихизатора). Трое взрослыхъ— всѣ изъ одного дома: отецъ, мать и младшій братъ одного изъ лучшихъ здѣшнихъ христіанъ, Бориса Оно. Самъ Борисъ, его жена и всѣ многочисленныя дѣти ихъ давно христіане, всѣ къ вѣрѣ замѣчательно усердны, всегда готовы и къ пожертвованіямъ. Просвѣтити свѣтомъ Христовымъ и своихъ престарѣлыхъ родителей и брата, которые живутъ съ ними вмѣстѣ, было давнишнимъ ихъ желаніемъ. Слава Богу, теперь это желаніе осуществилось, весело было смотрѣть на эту дружную семью теперь, еще болѣе объединившуюся. Четвертый крещаемый—сынъ христіанина Матѳея Сайго, молодой человѣкъ лѣтъ 20, которому сегодня же послѣ обѣда предостояло вѣнчаться съ христіанкой.

Послѣ крещенія соборно служили обѣдню. Всѣ вновь просвѣщенные причастились св. Таинъ. Вмѣсто причастнаго, катихизаторъ извлекъ какіе-то пожелтѣлые фоліанты и поцѣмъ началъ назидать присутствующихъ, излагая исторію обрѣтенія Креста. Отмѣчаю эту бросившуюся мнѣ въ глаза особенность потому, что японцы вообще большіе охотники до говоренія и способны говорить во всякое время и сколько угодно, не особенно даже стѣняясь и отсутствіемъ содержанія. Говорить по тетрадкѣ, тѣмъ болѣе пожелтѣвшей, вообще не принято, да еще старому катихизатору. Народу набралось опять, по здѣшнему, порядочно, было много дѣтей, которые ради праздника даже въ школу правительственную не пошли, что для нашихъ христіанъ уже является большимъ пожертвованіемъ.

Въ два часа должно было начаться вѣнчаніе, поэтому

почти все наши Богомольцы остались ждать въ церковномъ домѣ, собравшись въ кружокъ около хибацц и бесѣдуя между собой и съ новокрещенными. Скоро явился женихъ, разряженный въ пухъ и прахъ, въ широчайшихъ хакама, съ большими бѣлыми гербами на спинѣ и на рукавахъ. Невѣста была въ длинномъ кимоно, полы котораго волочились по землѣ. Кимоно, а тѣмъ болѣе поясъ, пестрѣли яркими цвѣтами, а волосы на головѣ убраны были самымъ причудливымъ образомъ, какъ только японцы могутъ убирать. Вѣнчаніе совершалось, конечно, также, какъ и въ Россіи, даже странный обычай не надѣвать вѣнцовъ, а только держать ихъ надъ головами брачующихся, какимъ-то образомъ привился здѣсь и распространился (хотя тотже о. Николай выражалъ мнѣ свое недоумѣніе по поводу этого обычая). Замѣчательное совпаденіе: въ японскомъ языческомъ свадебномъ обрядѣ есть тоже общая чаша, только тамъ новобрачные пьютъ ее девять разъ, а у насъ три. Лѣтъ чрезъ 500, можетъ быть, найдется ученый, который объяснить такое совпаденіе заимствованіемъ... Много хлопотъ доставилъ обычай взаимнаго поцѣлуя: долго пришлось толковать новобрачнымъ, какъ нужно сложить губы, что съ ними дѣлать; и священникъ и катихизаторъ, сложивъ и вытянувъ губы, пресерьозно держали молодыхъ за затылки и старались свести ихъ лица для поцѣлуя, а молодые, не понимая, чего отъ нихъ хотятъ, наивно пятились одинъ отъ другого. У японцевъ, вѣдь, нѣтъ поцѣлуевъ, даже родители не цѣлуютъ своихъ дѣтей.

Кончивъ вѣнчаніе, о. Николай минутъ сорокъ говорилъ поученіе о значеніи и свойствахъ христіанской семьи, образъ и идеаль которой данъ намъ въ союзѣ Христа съ Церковію (Христосъ положилъ жизнь свою за Церковь, и эта послѣдняя, съ своей стороны, не перестаетъ полагать жизнь свою за Христа: мученики, подвижники и пр.). Говорилъ онъ очень назидательно и краснорѣчиво, а въ заключеніе пожелалъ, чтобы отъ этого союза произошли замѣчательные люди на пользу церкви и японскаго государства.

Поздравивши молодыхъ, христіане стали расходиться домой, а мы съ о. Николаемъ, катихизаторомъ и четырьмя свидѣтелями приглашены были въ домъ жениха праздновать

свадьбу. Комната была убрана къ торжеству, посланы новыя, блестящія „татами“, разставлены золоченыя ширмы, на стѣнахъ дорогія „какемон“, на почетномъ возвышеніи красуются уродливыя деревца—карлики, новая хибацц наполнены бѣлою золой. Мы сѣли въ два ряда на круглыхъ „забутонахъ“, сѣли и родители и самъ молодой, а его новая хозяйка стала подавать намъ кушанья и угощать. Люди они самые простыя, ремесленники, по радѣ свадьбы сына припарядились и они, половина вещей украшавшихъ комнату, навѣрное, взята у сосѣдей и пр. добрыхъ людей на этотъ день.

Послѣ обѣда о. Николаѣй отправился прямо на вокзалъ: ему нужно было за чѣмъ-то ѣхать въ Саппоро, катихизаторъ же повелъ меня, пока не темно, по домамъ христіанъ. Прежде всего были у фотографа, о которомъ я упоминалъ выше. Фотографъ онъ очень хорошій, едва ли не второй въ Японіи, но христіанинъ далеко не лучший, въ церковь никогда не появляется, даже на пасху,—иконъ въ его домѣ не видно, да и къ благословенію подходитъ какъ-то неохотно. По словамъ катихизатора, есть какая-то особая причина такой отчужденности отъ церкви, чуть ли даже не удаленъ онъ. Зашли къ недавно крещенному плотнику Юву: дома его не было, жена—язычница; въ лавкѣ на почетномъ мѣстѣ виситъ икона, хотя и закрыта она отъ постороннихъ глазъ запавѣскою. Слѣдующій домъ—доктора Сибуя: самъ онъ, жена и три дочери—всѣ усердные посѣтители Богослуженія, дѣвочки и поютъ въ церковномъ хорѣ за главныхъ, точно также и въ пожертвовашихъ на церковныя нужды этотъ домъ теперь идетъ впереди другихъ. А между тѣмъ было время, когда въ этомъ самомъ дому, страха ради іудейска, стояли идолы, а христіанство всячески пряталось и предписанія церкви не исполнялись, и такъ было до самаго прихода въ Отару катихизатора. Этотъ примѣръ показываетъ, какъ нужно не смѣшить ставить крестъ надъ христіанами нерадивыми, повидимому, забывшими свою вѣру и обѣты крещенія. Кто знаетъ, можетъ быть, и они, подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ, т. е., промысла Божія, снова оживутъ и будутъ „сосудами въ честь“. Четвертый посѣщенный домъ,—Такезава: мужъ, жена и ребенокъ, бѣдные люди, но хорошіе христіане, хотя поденный трудъ и мѣшаетъ имъ быть исправными въ церкви.

15—27 сент. Обошли остальные 5 домовъ въ Отару, и между прочимъ были у Бориса Оно. Самого его дома не было, но насъ съ меньшимъ радушіемъ приняла его жена Серафима, очень разговорчивая, хозяйственная женщина, отличная христіанка. Она, повидимому, и держитъ на себѣ весь церковный строй своей семьи, потому что мужъ часто отсутствуетъ. Четверо ея маленькихъ дѣтей, всѣ негово крестятся, прекрасно помнятъ свои христіанскія имена, даже самый маленькій изъ нихъ знаетъ, что его „тѳіцянъ“ („ото-санъ“, папа) въ церкви называется Борисомъ. Серафима тотчасъ же засыпала сенсея (католическаго) разными порученіями: заказать ей въ Тоокео хорошую икону, достать молитвенниковъ, но дорогѣ сообщила намъ и всѣ церковныя новости, которыя она только что вычитала въ нашемъ Православномъ Вѣстникѣ и которыя мы давно уже знали. Немного спустя пришелъ и старикъ—отецъ Бориса, вчера крещенный: онъ тихо радовался своему просвѣщенію, отъ котораго съ такимъ упорствомъ долго отворачивался. Предъ самымъ обѣдомъ пришлось видѣть и другую картину: мужъ упорный язычникъ—синтонъ, или скорѣе позабывшій все ради наживы. Думая, что инари--санъ всегда дастъ ему хорошій барышъ, онъ и держится за эту инари--санъ и не хочетъ слышать ни о чемъ. Католикъ говоритъ ему о Богѣ, о вѣчномъ спасеніи души, а тотъ только плутовато улыбается: можетъ быть, все это и такъ, да не такъ выгодно, имѣй мя отреченна. Жена — старая христіанка, очень хорошо знающая вѣру; съ охотой сходила бы она и въ церковь помолиться, послушать проповѣдь, но мужъ даже и дома не даетъ ей молиться похристіански. Особенно же плохо, что и воспитанника своего, мальчика—христіанна лѣтъ 15—16, этотъ язычникъ всячески старается отучить отъ христіанства: въ церковь не пускаетъ, къ христіанамъ тоже, да и женѣ не даетъ говорить ему что—нибудь о христіанствѣ. И вотъ католику приходится увиваться около этого грубаго, развѣвшагося мужика, чтобы какъ—нибудь поддерживать съ нимъ знакомство и такимъ образомъ хоть изрѣдка посѣщать своихъ пасомыхъ. Мы посидѣли съ четверть часа, говоря любезности нашему чванлившемуся хозяину и всячески стараясь угсворить его быть снисходительнѣе къ вѣрѣ жены и воспитанника, по крайней мѣрѣ

хоть дома не мѣшать имъ быть христіанами. Грустно и тяжело было на душѣ, когда мы вышли изъ этого дома.

Послѣ обѣда отправились въ Темія. Прежде это былъ отдѣльный городъ, но теперь совершенно слился съ Отару, даже административно, хотя и лежитъ уже въ другой провинціи. Оба города вытянулись непрерывно вдоль морского берега, сжатые между моремъ и окружающими его горами. Народъ все прибываетъ, промышленность и торговля здѣсь все развиваются, жить становится тѣсно. Немного лѣтъ пройдетъ, и здѣсь будетъ едвали не самый многлюдный и богатый городъ на всемъ Езо. У насъ въ Темія 9 христіанскихъ домовъ. Года два тому назадъ былъ у нихъ и особый молитвенный домъ, при чемъ катихизаторъ по очереди совершалъ всенощную и обѣдницу въ томъ и другомъ. Но потомъ такой порядокъ признанъ былъ неудобнымъ, да и дорого было содержать для сравнительно небольшой церкви два молитвенныхъ дома. Теперь всѣ собираются вмѣстѣ.

За немногими исключеніями, всѣ христіане были дома и, всѣ радушно приняли насъ. Дома два—три приняли крещеніе еще въ Хакодате въ самомъ началѣ японскаго христіанства и, что особенно важно, всегда были вѣрны Христу, хотя и жили вдали отъ церкви, среди язычниковъ. По ходатайству этихъ домовъ и рѣшено быть въ Отару катихизатору и отдѣльной церкви. Въ одномъ изъ этихъ домовъ христіане приготовили для насъ съ сенсеемъ ужинъ, во время котораго занимали разсказами про нихъ первые дни въ Отару, какъ они жили здѣсь, не зная другъ друга и прячась (правда не всѣ) отъ язычниковъ. Хозяинъ былъ ги-юу, т. е. старшиной въ церкви, естественно разговоръ перешелъ на церковныя дѣла. Христіанамъ хотѣлось какъ—нибудь поторжественнѣе обставить похороны своихъ единовѣрцевъ: буддисты хоронятся весьма торжественно, синтоисты тоже, а у нашихъ христіанъ ничего подобнаго нѣтъ, ни пышной гробницы, ни флаговъ, ни фонарей. Когда провожаетъ священникъ, покрайней мѣрѣ хотъ онъ идетъ въ облаченіи, несутъ запрестольный крестъ и пр. Но священникъ бываетъ не всегда, безъ него же идетъ одинъ катихизаторъ въ обыкновенной одеждѣ, гробъ несутъ на простыхъ носилкахъ, къ довершенію всего кто-то въ Тоокео сказалъ имъ, что безъ священника выносить крестъ не по-

добасть, можно только фонарь, такъ они и дѣлали, конечно, сами недоумѣвая, приче́мъ тутъ фонарь, когда нѣтъ креста. Имъ очень хотѣлось все это какъ—нибудь устроить, чтобы язычники не зазирали нашихъ похоронъ, не говорили, что мы отправляемъ своихъ покойниковъ точно какой товаръ. У нихъ уже куплень хорошій покровъ, есть выносной крестъ, фонарь, я посовѣтовать имъ устроить хорошія носилки съ украшеніями, съ сѣнью, обѣщаль похлопотать въ Тоокео, чтобы ихъ катохизатору разрѣшили въ такихъ случаяхъ надѣвать стихарь. Въ Россіи, можетъ быть, такія заботы показались бы суетными, здѣсь же, при китайскомъ міровозрѣніи, уже цѣлыя столѣтія царящемъ во всѣхъ слояхъ общества, вопросъ о похоронахъ совѣмъ не пустой вопросъ: многіе и очень многіе будутъ судить о вѣрѣ потому, какъ вѣрующіе относятся къ своимъ умершимъ, тѣмъ болѣе, что почти только въ похоронахъ та или другая вѣра и выступаетъ открыто предъ глаза невѣрующихъ. Поэтому и враги христіанства весьма часто распускаютъ разныя нелѣпости о нашемъ погребеніи (напр., будто бы христіане своихъ покойниковъ распинаютъ). Жаловались христіане и на то, что симпу (священникъ) рѣдко ихъ посѣщаетъ, хотя ѣзды отъ Саппоро всего 2 часа, и притомъ никогда не служить у нихъ литургіи, довольствуясь обѣдницей, а говѣющихъ причащая запасными дарами. Нужно сознаться, что такое злоупотребленіе запасными дарами, дѣйствительно, сильно здѣсь вкоренилось. Прежде это было вполне естественно и извинительно: гдѣ тутъ думать о неопустительномъ совершеніи литургіи, когда и муки-то не вездѣ можно было достать, не говоря уже о томъ, что и мѣсить и печь (въ костреюль на жаровнѣ) приходилось самому служащему литургію? Но благословная вина эта теперь сдѣлалась отговоркой: теперь почти во всякомъ порядочномъ городкѣ есть хлѣбопекъ, который послѣ нѣкоторой практики, обыкновенно, очень недурно научается печь и просфоры. Нужно только заранѣе заказать. Но... служить обѣдницу легче, поэтому невозможность приготовить просфоры и съ достаточной торжественностью совершить литургію невольно выдвигается на первый планъ, и вѣрующіе причащаются запасными дарами. Это большое искушеніе, свойственное именно миссіонерскому служенію, и какъ легко ему поддаться, тѣмъ болѣе

что услужливый разумъ всегда найдетъ подходящій резонъ для оправданія такихъ поблажекъ. И вотъ литургія будетъ совершаться только въ главной квартирѣ миссіонера, потому только тогда, когда у него есть причастники; а потомъ и этихъ причастниковъ можно причастить запасными дарами, литургію же совершать только тогда, когда запасъ истощится, т. е. разъ десять въ годъ, а то и того меньше. Нечего и говорить, какой это уронъ для духовной жизни человѣка, тѣмъ болѣе священника, да и для церкви вредъ большой: гдѣ нѣтъ евхаристіи всенародной, тамъ собственно говоря нѣтъ и церкви, тамъ причащеніе становится исключительно дѣломъ личнымъ, частнымъ, совершаемымъ, когда миѣ нужно и безъ всякаго отношенія къ моимъ живымъ и умершимъ братьямъ по вѣрѣ. Кромѣ того, гдѣ нѣтъ литургіи, тамъ нѣтъ и причащенія младенцевъ, а этимъ причащеніемъ справедливо хвалится наша Церковь, исполняя этимъ заповѣдь Господню. Помня это, христіане наши всегда скорбятъ, что младенцы ихъ лишены величайшаго изъ таинствъ, и всегда желаютъ хотя бы предъ смертью напутствовать младенца. Приходится, такимъ образомъ, отказывать христіанамъ въ самой законѣйшей просьбѣ. Отказывать, конечно, тяжело, и вотъ отсюда новое злоупотребленіе: въ неосвященное красное вино пускаютъ частицу запасныхъ Даровъ и виномъ приобщаютъ младенцевъ, иной разъ даже произнося: „Честныя Крови“... Конечно, этого терпѣть нельзя, потому что это не Кровь Христова, а простое вино. И такъ всегда: на какихъ—нибудь весьма основательныхъ резонахъ допущено небольшое отступленіе, оно скоро становится признаннымъ фактомъ, за нимъ идетъ злоупотребленіе, за нимъ другое и т. д. Неслуженіе литургіи весьма резонно можно оправдать желаніемъ сказать получше проповѣдь, объяснить какой—нибудь догматъ или евангельскую заповѣдь. А между тѣмъ, подкрѣпившись молитвой, причащеніемъ, возвысившись духовно, священникъ и проповѣдь скажетъ гораздо лучше, убѣдительнѣе, потому что будетъ говорить изъ сокровища своего сердца, а не изъ книгъ и проповѣдей, которыя ему приходилось когда—нибудь читать по данному вопросу. Поэтому и приходится всячески уговаривать нашихъ священниковъ совершать литургію чаще и, по возможности, вездѣ, не оправдываясь отсутствіемъ

благолѣннаго мѣста: всякій молитвенный домъ почти всегда чистъ и приличенъ для совершенія литургіи (у всякаго священника есть переносный антиминосъ).

Поговоривъ достаточно съ христіанами и поблагодаривъ ихъ за угощеніе, мы пошли дальше и чрезъ нѣсколько домовъ зашли къ одиночному христіанину Исидору Катахира. Крещенъ онъ еще недавно и послѣ долгихъ откладываній, потому что за нимъ былъ какой-то непростительный для христіанина недостатокъ. Теперь онъ въ рейтанѣ: въ церковь не ходитъ, даже иконы не видно у него въ комнатѣ. Первая причина такого нерадѣнія была на лицо въ видѣ свирѣпо поглядывавшей на насъ супруги, но этимъ однимъ всего не объяснить. Катихизаторъ и я стали его убѣждать относиться внимательнѣе къ своей жизни, помнить о крещеніи, супругѣ внушали послушать ученіе. Но все было какъ къ стѣнѣ горохъ, наши слушатели только довольно холодно кланялись, а Исидоръ сверхъ того все настаивалъ, что онъ ничего не знаетъ о моемъ приѣздѣ и потому не могъ присутствовать въ церковномъ домѣ при встрѣчѣ и за Богослуженіемъ. Сцена вышла довольно тяжелая, и потому мы ея не затягивали по возможности. Катихизаторъ обѣщался зайти скоро еще, и мы кое-какъ простившись, со стѣненнымъ сердцемъ отправились во свояси.

16-—28 сент. Утромъ получили письмо отъ вчерашняго Исидора: „Такъ какъ я и прежде плохо служилъ Богу и такъ какъ не удостоился чести присутствовать при молитвѣ съ симпу, и по другимъ соображеніямъ—я оставляю вѣру. Прошу сообщить это всемъ христіанамъ“. Начинаю настоятельнѣе выпрашивать катихизатора, и тотъ долженъ сознаться, что Исидоръ у нихъ находится давно какъ бы въ забросѣ: христіане его чуждаются за нарушеніе супружеской вѣрности, самъ катихизаторъ давно его не посѣщалъ, а симпу и совсѣмъ никогда не былъ; даже крестный отецъ пересталъ о немъ заботиться, поэтому и о моемъ приѣздѣ никто Исидора не извѣстилъ. Конечно, не потому Исидоръ уходитъ изъ церкви, что обидѣлся на это неизвѣщеніе, а все же нехорошо, что данъ лишній поводъ. Если бы посѣщалъ его катихизаторъ и священникъ, если бы, какъ слѣдуетъ позаботились о немъ,—можетъ быть, Исидоръ и уцѣлѣлъ бы; неожиданное же мое посѣщеніе, конечно, могло только его

разсердить. Катихизаторъ усленно обѣщался непременно позаботиться объ Исидорѣ и, если возможно, опять возвратить его въ церковь. Всякое исправленіе очень трудно, но, Богъ дастъ, будетъ въ силахъ и Исидоръ порвать пути грѣха и снова придти ко Христу, въ котораго онъ когда-то искренно увѣровалъ.

Послѣ полудня посѣтили оставшіеся два дома, побывали на кладбищѣ, раскинувшемся надъ городомъ по скату горы, полюбовались отсюда чуднымъ видомъ на городъ и рейдъ. Въ городѣ проходили мимо протестантскихъ молитвенныхъ домовъ. Въ Отару ихъ два: методистовъ и, такъ называемой, церкви Христа. Католиковъ здѣсь за исключеніемъ, можетъ быть, отдѣльныхъ личностей нѣтъ. Катихизаторъ увѣрялъ меня, что и методисты не имѣютъ успѣха. Впрочемъ, такимъ увѣреніямъ нужно вѣрить безусловно.

Возвратившись въ церковный домъ, нашли о. Николая, только что пріѣхавшаго изъ Саппоро. Для насъ объяснилась и таинственная причина его экстренной поѣздки: онъ привезъ себѣ теплое кимоно (и не одно), теплое хаори, драповое пальто-крылатку съ мѣховымъ воротникомъ и сверху всего мѣховую эскимосскую шапку съ ушами. Это значитъ серьезно приготовиться къ дальнѣйшему путешествію. Въ Отару все уже было кончено, поэтому мы стали собираться въ путь, кстати вечеромъ же выходилъ пароходъ. О. Николай, имѣвшій такое же предубѣжденіе противъ морского путешествія, какъ и противъ верховой ѣзды, началъ насъ пугать разными морскими страхами: и пароходъ совсѣмъ маленькій, и удобствъ на немъ никакихъ нѣтъ, да и не выйдетъ онъ сегодня, только увлекаютъ пассажировъ, не въ примѣръ лучше переночевать здѣсь ночьку, а утромъ отправиться въ дилижансѣ, правда проѣдемъ цѣлый день, за то многимъ вѣрше. Но времени и безъ того пропало у насъ много, да и перспектива трястись цѣлый день по пыльной дорогѣ въ какомъ-то рыдвалѣ далеко не была привлекательна, поэтому мы всетаки предпочли и на этотъ разъ непостоянное стремленіе вѣдь.

Въ 6 часовъ вечера собрались кое-кто изъ христіанъ, помолились всѣ вмѣстѣ, попрощались, и потомъ отправились въ темнотѣ всей толпой на пристань. Ночь была лунная, ясная, море—зеркальное, мы сѣли въ шлюпку и поплыли на свою

„Сирри-бисси мару“, а христiане махали намъ съ берега своими фонарями, и долго въ ночной тишинѣ доносилось памъ встѣдъ ихъ „саѣ-нара“.

Пароходъ оказался, дѣйствительно, очень маленькимъ, всего тонъ въ 70—80, отдѣльныхъ каютъ на немъ не было, только въ кормѣ отведено было общее помѣщеніе для „чистой“ публики, къ которой согласились отнести и насъ съ симпу. Это была полукруглая каюта съ узкими плетеными диванами кругомъ; кто пришелъ раньше и не боялся унасть во время качки, помѣстился на диванѣ, прочіе же, менѣе счастливые или менѣе смѣлые, располагались на полу по японски на татами. Я постлалъ свою рясу, о. Николай байковое одѣяло, рядомъ съ нами въ ногахъ и въ головахъ, поперекъ и вдоль каюты занимали мѣста другіе „чистые“, и скоро тѣсная каютка напомнилась возлежащими. Скоро стало душно, но собственно этимъ и ограничились наши неудобства: лежать было можно, хотя и не просторно. Правда, случись качка, намъ бы пришлось испытать положеніе крупы въ ситѣ. Вышелъ было на палубу полюбоваться прекрасной ночью и видомъ на Отару, но не долго нагулялъ: пароходъ былъ выстроенъ, должно быть по образцу какого-нибудь большого, и только пропорціонально уменьшенъ; если на томъ для парусиннаго тента стояли столбики въ сажень вышиной, то на этомъ поставили въ два аршина. Въ общемъ выходило, можетъ быть, очень пропорціонально, но моя голова высовывалась наверхъ, и ходить мнѣ нужно было согнувшись низко и поминутно боясь стукнуться о перекладыны. Поневолѣ бросилъ и луну,—и живописное Отару и спустился въ свой муравейникъ коротать безсонную ночь. Часовъ въ 10 или около того, Сирри-бисси-мару, вопреки застрачиваніямъ о. Николая, снялась съ якоря и полегоньку пошла въ море; завтра утромъ будемъ въ Иванай.

Архимандритъ Сергій.
